

РОЛЬ ТУРЦИИ В «АРАБСКОЙ ВЕСНЕ»

Арег Петросян*

Ключевые слова: Турция, «арабская весна», сирийский кризис, Р.Эрдоган, военная операция, «Щит Евфрата», «Оливковая ветвь», курды

Так называемая «арабская весна», будучи симптомом кризиса арабомусульманской цивилизации, парадоксальным образом стимулировала расширение географического ареала последней. В итоге страны, настроенные на ревизию внешнеполитической ситуации, оказались в положении, когда количество возможных альтернатив внешнеполитических решений увеличилось [1]. Одной из этих стран и была Турция.

Инициатором и флагманом модификации и интенсификации отношений с Ближним Востоком стал Р.Эрдоган – основатель партии ПСР и впоследствии президент Турецкой Республики. Основной целью ПСР является возвращение к традиционной силе политики - *realpolitik*. Данная политика трансформировалась из оборонительной в наступательную. Руководство партии, в частности Р.Эрдоган и советник А.Давутоглу (будущий глава МИДа. – *прим. автора*) взяли на вооружение методы, ранее не использованные во внешней политике Турции. Это публичная дипломатия, цивилизационная политика и мягкая сила [2]. При учете вышесказанного можно условно разделить отношения Турции с ближневосточными арабскими странами на *пред* и *пост* периоды «арабской весны», выделяя в них роль главы турецкого государства. В работе коснемся операции «Щит Евфрата», давшей новый виток внешней политике Турции. Будучи опорной точкой для переосмысления внешнеполитических предпочтений турецкого руководства, «арабская весна» есть начало «передела» внешнеполитического курса Турции. В статье поставлена задача понять, что изменилось в политике

---

* Студент IV курса факультета международных отношений Российско-Армянского университета.

Турции по отношению к арабским странам, на примере операции «Щита Евфрата», и какова была роль Р.Эрдогана в обозначении данного курса.

После Первой мировой войны Османская империя распалась. В 1922г. был упразднен султанат. К власти пришел М.Кемаль, который провел колоссальные экономические, политические и культурные реформы. Он упразднил халифат, произошла латинизация турецкого алфавита, была создана национальная экономика, отменена феодальная форма общения, открылись национальные банки, усилилась промышленность. Сам Ататюрк был сторонником «вестернизации» и активно выступал за внедрение западных ценностей в Турцию. Одновременно с реформами бывшая империя понесла территориальные потери. Новообразованная турецкая республика фактически «сжалась» до своих нынешних границ, потеряв огромные территории как в своей европейской части, так и в азиатской. Арабские провинции Османской империи – Ливан, Сирия, Ирак, Иордания, Палестина – перешли под протекторат Франции и Великобритании. Вопрос коммуникации между арабскими странами и Турцией отошел на второй план вплоть до конца Второй мировой войны. В дальнейшем начался период создания независимых арабских государств, что и ознаменовало постепенное становление, улучшение и углубление отношений между Турцией и арабским миром. Однако улучшение отношений с арабским миром не было легким. Несмотря на общность религии, традиций и исторического пути развития, у Турции возникло множество противоречий с арабскими государствами с момента, когда она вступила в 1952г. в НАТО, установив тесные отношения с США.

Арабский мир рассматривал Турцию как «американского полицейского» на Ближнем Востоке. Другая причина разногласий между Турцией и арабским сообществом заключалась в том, что она пыталась сохранить дружеские отношения с созданным благодаря западным силам в 1948г. государством Израиль. Велась двойственная политика, признающая право Израиля на существование и право Палестины создать независимое государство [3].

У Турции также довольно специфичные отношения с Израилем – государством, с которым заключено множество контрактов военно-технического свойства: поставка израильских танков «*Merkava*», продажа

Турции самолетов-разведчиков «Heron», обмен разведывательными данными и модернизация турецких вооружений. Слабым звеном турецко-израильских отношений является и то обстоятельство, что они поддерживались практически только на уровне властных структур и не пользовались поддержкой подавляющего большинства турецкого населения. Основным препятствием для развития турецко-израильского сотрудничества всегда был фактор исламской солидарности [4]. Здесь Турция пытается максимально лавировать. С одной стороны, она проявляет исламскую солидарность в вопросе решения израильско-палестинского конфликта, но с другой – она также понимает, что Израиль пользуется авторитетом кругах высшего руководства США, поэтому Анкара пытается воспользоваться израильским лобби, равно как и фактором того, что для Израиля Турция является выходом из враждебного арабского «кольца».

В период Холодной войны у Турции существовали территориальный спор с Сирией вокруг провинции «Хатай» (Александретский санджак), неопределенная ситуация с Северным Кипром, обострившаяся вторжением Турции в 1974г. и приведшим к разделу острова на две части – турецкую и греческую.

Развал СССР дал толчок переориентации внешнеполитического курса Анкары. Фактически она начала «с нуля» в отношениях с новоиспеченными государствами Ближнего Зарубежья, что давало возможность установления с ними добрососедских и взаимовыгодных отношений.

Пережив горький опыт Холодной войны, в 1990-х годах Турция стала ведущей участницей Организация экономического сотрудничества черноморских стран, крупнейшим торгово-экономическим партнером России, добрым соседом Украины и Грузии, стратегическим союзником Азербайджана, неуклонно сохраняя эти свои взгляды и в наши дни [5]. Параллельно налаживались контакты также арабским миром.

«После последней войны в Персидском заливе, против которой выступала Анкара, турецкие инвесторы массово хлынули на рынок Ирака и других государств региона. Крупнейшие компании, такие как *Koç*, *Sabancı*, *Cukurova* и *Dogus*, вложили средства в экономику многих стран региона от Иордании до Ирана и Сирии, добившись признания видных турецких брендов» [6].

Наличие многовекторности во внешней политике, «набравшей обороты» после прихода ПСР, говорит в пользу Турции. Несмотря на это, у Анкары не было достаточных рычагов давления на арабские страны по вышеперечисленным причинам. Именно поэтому «арабская весна», будучи периодом нестабильности, открыла возможность возобновления отношений с арабскими государствами для Турции.

Номинально начавшаяся с «последней капли» – самосожжения торговца Мохаммеда Буазизи, ставшего жертвой авторитаризма, – «арабская весна» стала бедствием для всего арабского мира. Зачатки «арабской весны» накапливались на протяжении десятков лет и были связаны с недовольством населения арабских стран коррупцией, несправедливостью, неравенством и отсутствием элементарных гражданских прав. Стартовав в Тунисе, события прокатилась по всему Ближнему Востоку и Северной Африке, в некоторых странах произведя переворот (Тунис, Ливия, Египет, Йемен), в других инициировав гражданскую войну (Сирия), а в некоторых закончившись реформами (Алжир, Марокко, Ливан и т.д.). В постреволюционный период в арабских странах остро стояли вопросы конституционных, политических, социальных и экономических реформ.

В результате, хотя Ближний Восток не был включен полностью в повестку дня старой Турции, он стал восприниматься почти «внутренней проблемой» для новой Турции [7].

Перед Турцией встала дилемма: *поощрять реформы, оказывая давление на авторитарные элиты, или поддерживать набирающие силу протестные движения, начавшие менять существовавший режим?* [8]

Наряду с шиито-суннитским противостоянием и серьезными политическими противоречиями в суннитском лагере, политическое развитие современного арабского мира определяет также внутренняя борьба двух проектов – фундаменталистского (исламистского) и либерально-демократического. Между тем в идеологическом пространстве ислама религиозно-традиционные нормы сосуществуют с представлениями реформаторскими и модернистскими, отражающими современные запросы самых разных социальных сил. Эта борьба двух тенденций ярко отразилась в конституционном и электоральном процессе постреволюционных арабских стран и в процессе становления новых государственных институтов [9].

Совершая ближневосточное турне раньше, чем это успели сделать лидеры других государств, заинтересованных в укреплении своего влияния в регионе, Р.Т.Эрдоган стремился обеспечить Турции карт-бланш на «духовное руководство» процессами реформирования арабских стран и встраивания их в обновленную систему международных связей. Пообещав арабским демократиям выполнять функции «советника» в процессе экономических и социально-политических преобразований, Турция обозначила, таким образом, видение собственной роли на Ближнем Востоке [10].

Предметом особого внимания стала сопредельная Турции Сирия. Начавшаяся в 2011г. гражданская война в этой стране, сопровождавшаяся огромными человеческими потерями, вовлечением международных акторов, попеременной интенсивностью военных действий, представляла собой «взрывоопасную точку». Террористическая организация «Исламское государство», вторгшаяся в Сирию и продвигавшаяся скорыми шагами, вынудила огромные массы людей покинуть страну. Эти массы перебирались из Сирии в Турцию, что доставляло Анкаре много хлопот – предоставление пищи и временного крова беженцам, инциденты на границе в виде стычек с пограничниками, в целом проблема установления контроля над поселениями беженцев на турецких землях. Также существовала (до сих пор она есть) угроза, что под видом беженца в Турцию могут попасть члены террористических организаций, в частности ИГ.

В Турции в особенности подчеркивается курдская проблема. Сегодня на территории Турции проживает 12-18 млн. курдов. О масштабе проблемы с курдским населением, претендующим на создание независимого государства, свидетельствуют официальные заявления турецкого правительства, перманентно обвиняющего курдов в проведении террористических актов, организации несанкционированных государством митингов, в покушениях на представителей разных партий и т.д. На этом фоне можно выделить одно из свежих и привлекающих к себе внимание обвинений Анкарой курдов в совершении убийства российского посла А.Карлова в Турции.

Нестабильность в Сирии могла бы повлечь перекройку границ – создание независимого Курдистана за счет северных земель Сирии, что означало бы непредсказуемость поведения Турции. Можно сказать, что даже в

предкризисный период Сирия не испытывала «особой любви» к Турции из-за провинции Хатай, водных ресурсов на реке Евфрат и поддержки курдской части населения. С начала конфликта в Сирии Турция ограничивалась только поддержкой протурецких формирований, однако в 2016г. ситуация изменилась, и дискурс стал в этом направлении более жестким.

В ночь с 23 на 24 августа 2016г. турецкие войска вступили на территорию Сирии, тем самым ознаменовав начало операции «Щит Евфрата». Решающим фактором для выбора момента вмешательства стало объявление «Демократических сил Сирии» о своих намерениях двигаться в сторону Джараблуса с целью получить над ним контроль после взятия города Манбидж на севере Сирии, близ турецкой границы. Турция считала этот город «красной чертой», которую курды не должны были пересечь (что следует из названия операции) [11].

Впоследствии официальными целями Анкары провозглашаются *изгнание стратегического центра террористической организации и территориальная целостность Сирии*. Но в настоящих целях кроются более глубокие долгосрочные задачи, которым турецкое правительство привержено и сегодня:

- Обеспечение «безопасного пояса» на турецко-сирийской границе,
- Недопущение установления контроля на севере Сирии ИГ или курдско-сирийских боевиков,
- Пресечение любых действий и инициатив по созданию третьего независимого образования в лице «Западного Курдистана»,
- Инициировав ввод войск на территорию Сирии, Турция зарекомендовала себя неотъемлемым фигурантом решения сирийского кризиса посредством провозглашения сирийской проблематики «своей внутренней проблемой»,
- *Противостояние на региональном уровне* – максимальное недопущение или ограничение экспансии влияния Эр-Рияда и Тегерана,
- *Противостояние на международном уровне* – лавирование между коалицией, возглавляемой США и ВКС РФ при максимальном занятии выгодной позиции в той или иной ситуации и извлечении выгоды, апеллируя к вышеперечисленным задачам.

Операция «Щит Евфрата» велась с августа 2016 года до 29 марта 2017 года. Заполучив фактический *карт-бланш* в Сирии, не посоветовавшись с Совбез ООН или Дамаском перед началом военных действий, Анкара, наряду с Вашингтоном и Москвой, сама задала курс развитию событий. Вокруг Москвы и Вашингтона формируются фронты тех, кто за уход Б.Асада – США, Турция, Великобритания Франция, арабские страны Залива, сирийская оппозиция – и тех, кто против его ухода – Иран, Россия, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР. Встреча между Б.Асадом и Путиным 20 ноября 2017г. ознаменовала новую веху в этапе сирийской гражданской войны, где был дан намек, что скоро завершится война и начнется мирное политическое урегулирование конфликта. Спустя три дня, 23 ноября в коммюнике оппозиционных групп, опубликованном по итогам встречи в Саудовской Аравии, оппозиция высказалась за «радикальный политический переход» от «авторитарной системы» к демократии только в случае ухода Асада. Уже 30 января 2018г. состоялся Конгресс национального диалога Сирии, где было принято решение о создании конституционной комиссии, предполагающей реформирование сирийской конституции под эгидой ООН. Участники также пришли к единогласию относительно территориальной целостности Сирии, ее суверенитета и соблюдении прав всех этнических и религиозных групп.

Пример начатой 20 января 2018г. операции «Оливковой ветви» в Африне, в Сирии еще раз подтверждает, что *карт-бланш* действует. Турция фактически перескочила с операции «Щит Евфрата» к операции «Оливковая ветвь». Примечательно, что в рамках операции «Оливковая ветвь» опять, как и в случае «Щита Евфрата», Анкара заявила о своей антитеррористической деятельности и соображениях безопасности. Цели остаются те же, меняется лишь время.

В дополнение вышесказанному стоит отметить также вовлеченность в сирийский конфликт стран Персидского залива, которые не собираются признавать никаких изменений без свержения лидера страны Башара аль-Асада (восемь раундов переговоров в Женеве как факт и наличие комитета Эр-Рияд-2), всеобъемлющего принятия участия оппозиции в переговорах по сирийскому кризису.

В феврале 2012г. государства Залива стали активными участниками

совещаний «Друзей сирийского народа». Катар первым из государств Залива начал поставлять оружие оппозиционным силам. Дальнейшие действия арабских государств были направлены на усиление давления на правящий сирийский режим [12].

Несмотря на застой в русле своих требований, не отступающие от своих позиций страны Залива считают НКСРОС (Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил) официальным представителем сирийского народа. Коалиция признана ЛАГ (Лига арабских государств) и имеет представительство в странах Залива.

Ключевую роль в сирийском конфликте играет и Тегеран, для которого Дамаск является практически единственным государством, с которым он имеет хорошие отношения в арабском мире еще со времен Х.Асада. Помимо того, что Сирия используется в качестве транзитной страны для переброски подразделений КСИР (Корпус стражей исламской революции) в Ливан для поддержки деятельности Хезболлы, Сирия является еще и оплотом иранского влияния.

Для Тегерана недопустимо создание «полумесяца» прозападных арабских стран от Турции до ОАЭ [13]. Такой катастрофический поворот событий повлечет за собой вынужденную изоляцию Ирана и угрозу его национальной безопасности.

В случае скорого урегулирования сирийского конфликта во внешнеполитической повестке Ирана могут быть два плана. План *«максимум»* – обеспечение плавного перехода Сирии в стабильное государство при сохранении режима президента Б.Асада. План *«минимум»* – при смене режима обеспечить любыми методами лояльность Сирии по отношению к Ирану и недопущение «крена» сирийского государства в сторону Запада.

Фактическое поражение ИГ в Сирии, курдский фактор, усиление основных внешних игроков (арабские страны Залива, Иран, Россия, США, Ирак и т.д.) дадут *«разряд» процессу вовлеченности* Турции в Сирии. Преследуя противоположную иранской цели задачу обеспечить уход Б.Асада, Анкара должна создать *протурецкое сирийское государство*, исходя из национальной безопасности и императивов внешней политики. Сирия, являющаяся неотъемлемой частицей арабского мира и одним из государств, наиболее пострадавших от «арабской весны», сейчас

стоит на пороге завершения гражданской войны, что и предполагает мирное политическое урегулирование. Основополагающим является вопрос, как это произойдет, какие методы будут применены и каков будет исход. Анкаре остается выполнить первостепенную задачу при учете столь сложной ситуации и наличии многих внешних игроков – **первенство в деле построения постконфликтной Сирии с образованием максимально лояльного руководства страны.**

Принципиально новая концепция внешней политики Турции была предложена Бейкеном Ахметов Давутоглу в 2001г. «Стратегическая глубина: международное положение Турции», что сильно повлияло на партию «Справедливости и Развития». Давутоглу предполагал, что значение страны определяется ее геостратегическим положением и «исторической глубиной». Анкара ориентируется на политику «ноль проблем с соседями», заменившую концепцию «замораживания проблем с соседями» [14]. Это идеал, к которому движется турецкое руководство. На протяжении 17 лет Турция перешла к многовекторной политике, начала практиковать «мягкую силу» и гибкость в дипломатии, обеспечивающую ей активное вовлечение в международные процессы. Держа такой курс, Анкара показывает всему миру, что является не «периферией» ни Европы, ни ЕС, ни НАТО, а самостоятельным и независимым **«геополитическим игроком»**, строящим вокруг себя свое **«геополитическое пространство».**

Февраль, 2018г.

Источники и литература

1. *Замов Э.*, Два пути политической мысли современной Турции // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки, #149, 1. с. 74.
2. *Ersoy E.*, Old principles, new practices: explaining the AKP foreign policy // Bilkent University, Turkey. 2007. Vol.8, #4, p. 117, 119.
3. *Bahri I.*, «Turkey and the Arab spring: the revolutions in Turkey's near abroad», Change and Opportunities in the Emerging Mediterranean, Calleya, Stephen and Wohlfeld, Monika (eds.), Malta: MEDAC, University of Malta, 2012, p. 353.
4. *Глазова А.*, Турецко-израильские отношения: есть ли перспектива выхода из кризиса? // Российский институт стратегических исследований, Проблемы национальной стратегии, #2 (11), 2012, сс. 51-54.

5. *Гасанлы Д.*, «Турецкий кризис» в период «холодной войны» и республики Южного Кавказа // Кавказ и глобализация. Том 3. Выпуск 1. Часть II, 2009, с. 145.
6. *Йилдиз Т.*, Турция и арабская весна. ИноСМИ.ру. 2012.
7. *Ozhan T.*, The Arab Spring and Turkey: The Camp David Order vs. the New Middle East // Insight Turkey, Vol. 13, #4, 2011, p. 59.
8. *Onis Z.*, Turkey and the Arab Spring: Between Ethics and Self-interest // Insight Turkey. Vol. 14, #3, 2012, p. 46.
9. *Сапронова М.*, Становление новой государственности на арабском востоке. МГИМО МИД России – М., 2015, Том 13, #3, с. 37.
10. *Свистунова И.*, Турция в контексте арабской весны: региональная стратегия. Российских институт стратегических исследований, 2011.
11. Центр современных исследований Харамун. Военное вмешательство Турции и сложные сценарии развития ситуации, 2016, с. 5.
12. *Мелкумян Е.*, Россия и страны Персидского залива в контексте сирийского кризиса // Московский центр Карнеги. – М., 2016, сс. 2-6.
13. *Goodarzi J.*, Iran and Syria at the Crossroads: The Fall of the Tehran- Damascus Axis // Middle East Program, Wilson Center, #35, 2013, p. 6.
14. *Маврина Ю.*, Концепция внешней политики Турции // Cyberlenika, 2014, сс. 70-71.

ԹՈՒՐՔԻԱՅԻ ԴԵՐՈՂ «ԱՐԱԲԱԿԱՆ ԳԱՐՆԱՆ» ՄԵՁ

Արեգ Պետրոսյան

Ամփոփագիր

Ակնհայտ է այն փաստը, որ Թուրքիան այսօր տարածաշրջանային կարևոր դերակատար է, որը ձգտում է քաղաքական ինքնուրույն գործունեություն ծավալել: Անկարայի հետևողական քաղաքականությունը Սիրիայում, Իրաքում, ինչպես նաև Թուրքիայի նոր արտաքին քաղաքականության մոդելի մշակումը Ռ.Էրդոդանի և Մ.Չավուշօղլուի կողմից՝ նրանց ի ցույց դրեցին որպես արդյունավետ առաջնորդներ, որոնք Թուրքիայի քաղաքական գործունեության նոր ուղի բացեցին: Այս քաղաքականությունն ի վերջո հանգեցրեց այն բանին, որ Թուրքիայի կառավարությունն իր արտաքին քաղաքականության աուդիտ իրականացրեց կրկին ուշադրությունն ուղղելով Մերձավոր Արևելքի և Ասիայի երկրներին, դրանք առաջնահերթ համարելով: «Զիթենու ճյուղ» ռազմական գործողությունները Սիրիայում կարելի է համարել «Եփրատի վահանի» շարունակությունը:

РОЛЬ ТУРЦИИ В «АРАБСКОЙ ВЕСНЕ»

Арег Петросян

Резюме

Очевидно, что сегодня Турция является весомым региональным игроком, которая стремится вести независимую политическую линию. Последовательная политика Анкары в Сирии, Ираке и в принципе построение новой модели внешней политики Турции Р.Эрдоганом и М.Чавушоглу, проявивших себя как эффективных лидеров, открыли новый виток в политической деятельности Турции. Эта политика привела к тому, что турецкое руководство провело ревизию в своей внешней политике, снова обратив свой взор на Ближний Восток и, в целом Азию, впредь рассматривая их в качестве приоритетов. Недавно начавшуюся военную операцию «Оливковая ветвь» в Сирии можно рассматривать как продолжение «Щита Евфрата».

THE ROLE OF TURKEY IN THE “ARAB SPRING”

Areg Petrosyan

Resume

It is evident that Turkey is now a significant regional player, which is aiming to conduct independent political activities. Consistent politics of Ankara in Syria, Iraq and generally the structures of Turkish foreign policy newly shaped by influential leaders Erdogan and Chavushoglu, opened a new door for Turkish political activity. This political strategy made the Turkish government revise their foreign policy by concentrating attention to Middle East, and Asia as a whole, considering them as priorities. The military operation “Olive Branch” recently started in Syria can be studied in the continuation of “Euphrates Shield”.